

ВСЕГДА РАЗНЫЙ

СТИХЛИ аплодисменты, закрылся занавес после многочисленных выходов артистов на поклон, зрители стали покидать зал, обсуждая премьеру Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина. А я устремился за кулисы, чтобы расспросить Василия Кирицу о его последней роли, не дав ему остыть после спектакля... Видели бы вы его глаза! Они словно еще смотрели в тот мир, который волновал только что зрителей. Я смутился, ощутив досаду на свое неумное любопытство и осознав, до чего же мы можем быть бестактными со своими назойливыми вопросами, интервью и прочей суетой, забывая, что для артиста его труд — не только работа, но и каждый раз заново прожитая жизнь героя с предельной мобилизацией энергии, напряжением нервов и эмоций. У Кирицы же эмоциональность — особая, очень сильная и важная часть его творчества.

На Василия Кирицу я обратил внимание на первом Всероссийском пушкинском фестивале оперного и балетного искусства «Болдинская осень» и вот уже год пристально слежу за его творчеством. Тогда он танцевал Троекурова в «Дубровском» В. Кикты и Бурмина в «Метели» Г. Свиридова. Эти балеты не оставили у меня целостного впечатления. Но среди размытых характеристик героев исполнение Кирицы выделялось именно определенностью характеров, настроением, психологической достоверностью. Мне показалось, что танцующий очень точно передает фазы души своего Троекурова: то покровительственного друга, то деспотично-жестокоего помещика, то разгневанного и непреклонного отца. Бурмина в «Метели» он трактует как интеллигента, сумевшего пронести сквозь войну и гусарский разгул чувство долга и чести, сохранить в ду-

ше образ прекрасной незнакомки. Удивительно, как при чрезмерной условности пластического языка этого балета Кирице удается создать столь лиричный образ!

После фестиваля на пресс-конференции московские специалисты балета особо отметили артистизм Василия Кирицы. Да, он обладает актерским даром, обаятелен, покоряет своей пластичностью и выразительностью жеста. В целом, как говорят специалисты, он очень сценичен. Его успеху у зрителя немало способствует и открытая улыбка, и какая-то широта натуры, проявляющаяся в движениях, в позе и во всем его статном облике.

Однако Василий понимает, что бездумная эксплуатация природных данных еще никому и никогда не приносила пользы на профессиональной стезе. Я знаю, он много отдает времени и сил работе над собой, несмотря на то что обладает прекрасной школой (окончил Московское хореографическое училище) и имеет за плечами большой сценический опыт. За десять лет работы Кирица станцевал практически весь балетный репертуар Горьковского театра.

И все же ощущается в его творчестве склонность к определенному кругу образов. Сравнивая работу артиста в классических и современных спектаклях, приходишь к заключению, что амплуа Кирицы — современный балет с его импульсивным жестом, большей характерностью и психологизмом образа. Он не относится к тем редким исполнителям, которые владеют в равной степени всеми стилями и направлениями, к тем, кто гармонично сочетает «холодный ум с горячим сердцем». Василий тяготеет к романтическому началу, свойственному и современному хореографическому языку, ему присущи

экспрессивность самовыражения, эмоциональный накал и образное мышление.

Пожалуй, в наибольшей степени его актерский талант проявился в ритм-балете «Юнона» и «Авось», поставленном на музыку одноименной рок-оперы А. Рыбникова. Пластический язык балета в целом немысловат, его символика порой изобразительна, в нем много статичных, хотя и красивых по композиции сцен, идущих на фоне текста. Особенно сложно исполнителю роли Резанова: обидно, что экспрессивная музыка не вдохновила постановщика балета на адекватное хореографическое воплощение и танцор вынужден своими силами выявить драматизм и психологическую глубину образа героя.

Вот тутто Кирица на высоте. Поворотом головы, осанкой он умеет передать и душевное напряжение, и бремя ответственности, легшее на плечи Резанова, показать человеческое достоинство и гордость за свою Родину. А как замечательно его танец с Кончитой! Легкость и осторожность движений, глаза будто ловят мимолетные настроения юной возлюбленной, а внутренняя скованность от неверия в возможность случившегося уступает место всепоглощающему чувству.

Я посмотрел спектакли со всеми исполнителями этой роли и не хочу умалять их достоинств, но что-то особенное, заставляющее поверить этому образу, вынуждает меня признать Кирицу лучшим Резановым.

Испытывая прежде всеобщую для артистов балета «слабость» к классическому танцу, Василий исполнял основные партии в «Шелкунчике» и «Лебедином озере» Чайковского, «Жизели» Адама и т. д. Но со временем, хотя он по-прежнему классику счи-

тает эталоном балетной формы и техническим «тонусом», современный балет стал ему ближе именно в силу своей яркой образности. Ведь для нескущенного зрителя, на которого в первую очередь ориентируется Василий, образно-эмоциональное восприятие искусства является доминирующим. В какой момент произошел этот перелом, теперь уже трудно сказать. Возможно, в то время, когда танцевал Бога в балете А. Петрова «Сотворение мира». Он и сейчас любит эту работу больше других, хотя нелюбимых в его репертуаре нет.

Сколько, например, силы и страсти вкладывает он в своего Гармония («Спартак» А. Хачатуряна), раскрывая перед нами целую гамму чувств: от рабского унижения, иступленной любви к Эгине до внезапного прозрения. А гордый и коварный дон Хуан из балета Т. Хренникова «Любовью за любовь»? В исполнении Кирицы он отнюдь не однозначен: изящный и галантный вначале, его герой, уязвленный невниманием Геро, становится жестким, «размашистым», исполненным жажды мести. Кирице удается сделать запоминающимися и маленькие роли, такие, как Северьян, жестокий и надменный мужик из балета С. Прокофьева «Каменный цветок», как сильный и ловкий, но словно пронизанный восточной негой Синдбад-Мореход из «Тысячи и одной ночи» Ф. Амирова. А сколько еще партий в других спектаклях театра!

С полной уверенностью могу сказать, что при всем своеобразии и узнаваемости манеры исполнения Кирицы он никогда не повторяется и всюду — разный. Наверняка этому способствует то, что он много готовится к роли, обязательно изучая литературный источник. Василий считает, что образ складывается у каждого

танцора индивидуально, что балетмейстер не может и не должен «ставить» характер героя — до этого надо дойти самому.

И чем бы ни занимался Василий Кирица, во всех делах и поступках проявляется его характерная черта — увлеченность и эмоциональность. О разносторонности его дарования говорит и спектакль-капустник, созданный им совместно с С. Куракиным по мотизам «Лебединого озера». Веселый, остроумный, а порой и едкий,

он был показан для театральной общественности в новогодние каникулы и в день смеха — для широкой публики. Сейчас они опять что-то затевают. Собираются сделать сюрприз. Что ж, возможно, короткий век танцора найдет свое продолжение в ином преломлении. Не будем загадывать.

Ю. АНАНЬЕВ.

НА СНИМКЕ: солист Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина В. Кирица.